

Глава 2

Цэнь Цзин с первой же секунды понял: он не шутит. Этот человек был из тех, кто слов на ветер не бросает.

«Психопат!»

Он мысленно выругался, лихорадочно перебирая в памяти детали романа и убеждаясь, что ничего не упустил. В те годы, когда карьера Хэ Цыдуна ещё не была на пике, он пережил немало предательств. Его «белый лунный свет» в то время находился за границей, и прежний Цэнь Цзин, воспользовавшись моментом, сумел устроиться в его компанию.

Ключевым было то, что между ними существовала физическая связь. В книге оба эпизода описывались довольно туманно: Хэ Цыдун прикасался к нему лишь тогда, когда испытывал физиологическую потребность, но никогда не оставался на ночь. Это было хуже, чем быть на содержании. Содержанкам хотя бы платят, а Хэ Цыдун не потратил на него ни гроша.

Цэнь Цзин посмотрел на него и холодно усмехнулся:

— Как удобно: получил своё и тут же от всего отрёкся. Поразительное бесстыдство.

Образцовый пример того, как бросают после секса.

Хэ Цыдун впился взглядом в лицо Цэнь Цзина, его глаза подозрительно сощурились. Это был изучающий, оценивающий взгляд. Но Цэнь Цзин не отвёл глаз.

На данном этапе сюжета для него, Цэнь Цзина, практически не оставалось никакой роли, не было и определённого сценария, которому следовало бы придерживаться. Если бы он решил пойти по пути, предначертанному книгой, его ждал бы только один исход — смерть.

В этот последний год Хэ Цыдун должен был начать масштабную войну против семьи Цэнь, подняв свою карьеру на новую высоту, и в то же время его «белый лунный свет» собирался признаться ему в своих чувствах. А Цэнь Цзин... он от начала и до конца был трагическим персонажем, вызывающим одновременно и ненависть, и жалость.

«Я стою на распутье между жизнью и смертью. Если мне и сейчас не позволят жить так, как я хочу, то какой в этом вообще смысл?»

Наконец Хэ Цыдун отпустил его и отступил на шаг.

Он достал откуда-то носовой платок и медленно, брезгливо протёр ладони, словно только что прикоснулся к чему-то нечистому. Не поднимая головы, он произнёс:

— Твои самообманы меня не касаются, и мне плевать, какие игры ты затеял. Но если твоя грязь коснётся меня... Похоже, ты забыл, чем закончились две твои предыдущие попытки подсыпать мне наркотики. Если забыл, я могу напомнить.

Цэнь Цзин замер.

«?!»

В книжной версии их физиологической близости не было и намёка на наркотики.

Скомкав платок, Хэ Цыдун швырнул его в ближайшую урну и, обернувшись, насмешливо

вскинул бровь.

— Твоё изображение амнезии выглядит на удивление правдоподобно.

Теперь Цэнь Цзин окончательно запутался: то ли в книге были пробелы, то ли этот мерзавец Хэ Цыдун лгал.

Нахмурившись, он предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Даже если я и подсыпал тебе что-то, это не отменяет того факта, что ты... воспользовался мной.

«Чёрт, как же коряво это звучит».

Хэ Цыдун презрительно усмехнулся.

Он вдруг достал телефон и кому-то позвонил. Цэнь Цзин не знал, кто был на том конце провода, но услышал короткую фразу:

— Пришли мне видео.

Через минуту в руках Цэнь Цзина оказался брошенный ему телефон. Экран озарился изображением обнажённого тела.

Это была замкнутая комната, где, кроме большой кровати посередине, не было ничего. Чёткость изображения и ракурс не оставляли сомнений: съёмка была профессиональной, сделанной по заказу.

Человек на кровати был очень худ, на нём остались лишь боксёры. Он, очевидно, страдал — то сворачивался в клубок, то метался по постели. Даже сквозь экран было видно, как взмокли его волосы и налились кровью глаза.

Лицо Цэнь Цзина, и без того бледное, стало совершенно белым. Не по какой-то отвлечённой причине. А потому, что человек на видео был он сам.

Телефон резко вырвали из его рук.

— Я был достаточно любезен, Цэнь Цзин, — произнёс Хэ Цыдун. — Радуйся, что состав наркотика оказался сносным, иначе всё не ограничилось бы простой видеосъёмкой. Считай это небольшим предупреждением. Понял?

Он убрал телефон в карман и повернулся, чтобы уйти. Сделав два шага, он вдруг обернулся.

— И ещё. Я не прикасался к тебе раньше и тем более не прикоснусь в будущем. Потому что мне противно.

Потрясённый увиденным, Цэнь Цзин не сразу осознал смысл его слов.

— А ты, значит, само воплощение чистоты? — раздражённо дёрнув галстук, он не сдержался и крикнул в спину уходящему мужчине, чей силуэт излучал лишь холод и безразличие: — Да катись ты к чёрту!

Он никак не ожидал, что у Хэ Цыдуна есть на него такой компромат, и лицо его помрачнело. Теперь он был хозяином этого тела, и видеть себя в таком состоянии было, мягко говоря,

мучительно.

«И почему, — хотелось спросить Цэнь Цзину, — прежний владелец тела влюбился именно в этого мстительного ублюдка? Мало того что влюбился, так ещё и сам вложил ему в руки оружие против себя».

Вечер был безнадежно испорчен. Цэнь Цзин больше не видел смысла оставаться на приёме. Выйдя на улицу, он позвонил Эр Чуну.

Полное имя Эр Чуна было Лю Чун, но поскольку он был вторым ребёнком в семье, все звали его просто Эр Чун. Пожалуй, он был единственным человеком в этом мире, кто искренне и по-настоящему дружил с Цэнь Цзином. Из книги Цэнь Цзин знал, что их знакомство состоялось очень давно, ещё в те времена, когда он жил со своей матерью, промышлявшей в районе красных фонарей.

Однако после её смерти, когда семья Цэнь признала его, он практически оборвал все старые связи. Отчасти виной тому было тщеславие — он не хотел, чтобы что-то напоминало о его прошлом. Он тешил себя иллюзией, что сможет вписаться в круг «золотой молодёжи», стать другим, начать новую, лучшую жизнь.

Как оказалось, он потерпел сокрушительное поражение.

Телефон быстро ответил. В трубке послышался неуверенный, удивлённый голос:

— Цзин-эр?

— Да, это я, — ответил Цэнь Цзин.

Полчаса спустя такси доставило Цэнь Цзина по адресу, который продиктовал ему Лю Чун.

Он оказался в оживлённом районе ночных рынков, пропитанном запахами и звуками настоящей жизни. Зазывные крики торговцев, шипение масла на раскалённых сковородках — всё это сливалось в картину самого неприметного, но самого подлинного уголка этого города.

Издали Цэнь Цзин заметил знакомую фигуру, суetyающуюся у ларька с шашлыками.

Молодой человек в простой футболке и шортах, немного полноватый, с добродушным лицом, был в постоянном движении. Он ловко переворачивал шампур, успевая при этом с улыбкой перебрасываться парой слов с клиентами.

Лишь когда Цэнь Цзин подошёл вплотную, Лю Чун поднял голову и на пару секунд замер.

Цэнь Цзин поднял руку в приветственном жесте и улыбнулся:

— Давно не виделись.

— Цзин-эр?! — Лю Чун вытаращил глаза и, бросив связку шампуров с бараниной, обошёл прилавок. — Чёрт, это и вправду ты! Когда ты позвонил, я ушам своим не поверил.

Он было замахнулся, чтобы по-дружески хлопнуть его по плечу, но, увидев дорогой костюм, неловко замер в воздухе. Цэнь Цзин понял его смущение и с лёгкой улыбкой сказал:

— Эй, у тебя там шашлык горит.

— Блин, блин, блин! — причитая, Лю Чун бросился обратно к своему мангалу.

— Ты работай, я пока найду, где присесть, — сказал Цэнь Цзин.

Не прошло и пяти минут, как Лю Чун подошёл к его столику с большим подносом дымящихся шашлыков и двумя бутылками пива.

— Если мы друзья, то сегодня пьём до дна! — с грохотом поставил он бутылки на стол.

Цэнь Цзин кивнул и с улыбкой согласился. Он привычно открыл пиво, оглядел ларёк и спросил Лю Чуна:

— Нанял помощника?

— Ага, — Лю Чун поднёс ему одноразовый стаканчик и, смущённо потерев нос, добавил: — Это... мы с девушкой решили дом купить, пожениться. Вот и приходится крутиться.

Рука Цэнь Цзина замерла.

— Когда успел? — с удивлением спросил он.

— Да почти полгода уже, — ответил Лю Чун. — Она обычно помогает мне, но сегодня на работе задержалась. В следующий раз познакомлю.

— Отлично, — Цэнь Цзин чокнулся с ним стаканом. — Поздравляю.

В этот момент его охватило странное чувство раздвоения. Одна его часть всё ещё оставалась там, на блестящем приёме, в роли законного супруга Хэ Цыдуна. Другая же сидела здесь, на самой обычной улице, пила пиво и слушала, как за соседним столиком кто-то ругается, а лучший друг рассказывает о планах купить дом и жениться.

Жизнь всегда была полна драматизма. И в прошлом, и сейчас.

Цэнь Цзин уже снял пиджак от костюма, небрежно перекинув его через спинку стула, и теперь никто бы не догадался, что это вещь ручной работы. Закатав рукава рубашки, он с естественной лёгкостью ел шашлык, полностью растворившись в этой атмосфере.

После пары кружек ледяного пива Лю Чун, запинаясь, посмотрел на него.

— Цзин-эр, скажи честно, у тебя что-то случилось?

Встретившись с искренним взглядом друга, Цэнь Цзин ответил правду:

— Можно и так сказать. Дела так себе.

Развод зависел не от него одного — одна только семья Цэнь никогда бы его не отпустила. К тому же, у Хэ Цыдуна был на него компромат, который необходимо было вернуть. Да и с деньгами была беда. Ни одной светлой полосы.

Лю Чун с силой опустил стакан на стол.

— Раз тебе плохо, так возвращайся! — серьёзно сказал он. — После того как ты уехал... с отцом, я думал, ты больше не захочешь с нами общаться. И я тебя понимаю, честно! Но я также знаю, что в богатых семьях всё сложно. Если вернёшься, можем вместе заняться каким-

нибудь делом. Дом твоей мамы, хоть и старый, но я его сохранил...

Он вдруг осёкся и почесал затылок.

— Эх, меня как понесёт, не остановить. Тебе, наверное, такое не по душе...

— Вовсе нет, — перебил его Цэнь Цзин. Оглядевшись, он добавил: — Мне кажется, жить как ты — это здорово. Я серьёзно.

Лю Чун расплылся в широкой улыбке. В этом человеке была какая-то подкупающая прямота, искренняя и немного наивная.

Цэнь Цзин не знал, выбрал бы прежний владелец этого тела другой путь, если бы у него был второй шанс. Но ему самому такая, наполненная жизнью и простыми радостями, реальность определённо нравилась. Даже в прошлой жизни он никогда не испытывал ничего подобного. Он был рабочей машиной, известным в юридических кругах «золотым» адвокатом, с которым было труднее всего договориться. Его будни были скучны и однообразны, хотя он и не нуждался ни в деньгах, ни в славе.

За разговорами время пролетело незаметно. Было уже за одиннадцать, и Цэнь Цзин понял, что пора возвращаться. Они оба изрядно выпили. Попрощавшись, они договорились встретиться снова.

Уже в такси Цэнь Цзин почувствовал, как кружится голова. Его нынешнее тело совершенно не было приспособлено к алкоголю. Здоровье, подорванное проблемами с желудком, было слишком хрупким. Но отказать Лю Чуну он не мог.

Назвав водителю адрес, Цэнь Цзин провалился в сон и очнулся, только когда его разбудили.

Он вышел из машины, неся пиджак в руке, и направился к вилле. Это был целый комплекс особняков в традиционном китайском стиле. Когда Цэнь Цзин впервые очнулся здесь, он был поражён красотой этого места. Позже, размышляя о Хэ Цыдуэне, он не мог понять, как этому человеку могла нравиться такая обстановка. Резные двустворчатые ворота, пахнущие стариной, дворик с журчащим ручьём, где плавали карпы кои и рос бамбук. Даже эконом и прислуга, по слухам, работали на Хэ Цыдуэна много лет. Всё это никак не вязалось с образом холодного, бессердечного человека, ставшего легендой в мире бизнеса.

К счастью, в последнее время он здесь не жил.

В этот час вся прислуга, включая водителя, уже спала. В окнах не было света. Ворота, сделанные под старину, на ночь запирались изнутри на массивный деревянный засов. Постояв у входа минут пять, Цэнь Цзин вдруг передумал стучать.

Он бросил пиджак на землю и, отступив на пару шагов, сел на каменные ступени.

Что-то в кармане упиралось в бедро. Он пошарил рукой и вытащил наполовину пустую пачку сигарет и зажигалку.

Вещи Лю Чуна.

Они оба были пьяны, и Лю Чун, обнимая его за плечи и вспоминая прошлое, видимо, по ошибке сунул их ему в карман.

Цэнь Цзину вдруг захотелось закурить.

Прежний владелец этого тела не курил, а вот он был заядлым курильщиком. С тех пор, как он оказался здесь, он сдерживался, опасаясь за своё слабое здоровье. Но сейчас, держа в руках сигарету, он почувствовал, как просыпается старая привычка. К тому же, у него начал побаливать желудок, и желание затянуться стало ещё сильнее.

Спустя пять секунд вспышка огня осветила худое лицо Цэнь Цзина. Он склонил голову, прикуривая зажатую в губах сигарету, и растрёпанные волосы упали ему на лоб.

Щёлкнув зажигалкой, он отбросил её в сторону. Одну ногу вытянул вперёд, а локтем оперся о ступеньку позади себя. Запрокинув голову и прищурившись, он выпустил кольцо дыма. На его лице появилось выражение редкого умиротворения.

«Сигареты — прекрасная вещь», — подумал Цэнь Цзин.

Он с удовлетворением вздохнул, и в ту же секунду до его слуха донёлся звук шагов, поднимавшихся по лестнице.

Цэнь Цзин замер, а затем, не меняя позы, повернул голову влево.

Сначала он увидел блестящие кожаные туфли, потом брюки от костюма, рубашку.

«Ростом он не меньше метра девяноста, а то и выше», — прикинул Цэнь Цзин.

Алкоголь выпит, сигарета зажжена. Настроение у Цэнь Цзина было неплохим, и его ничуть не смущал взгляд сверху вниз.

Он криво усмехнулся и с ноткой удивления в голосе спросил:

— О, а ты чего сегодня вернулся?

Снаружи мало диких цветов или постель любовника недостаточно тепла?

<http://bllate.org/book/13436/1196228>